

ЖИВОТВОРЯЩИЙ ВОЗДУХ РОДИНЫ

С Тельманом Эристави я познакомилась в 90-х годах. У нас было много общего, как и у всех месхетинских репатриантов.

Мы оба родились в депортации, стремились на родину и достигли ее. Одинаково терпели нужду, подвергались остракизму и боролись за свои права.

Ему, как и всем нам тогда, помогал Гурам Мамулия – историк, профессор, диссидент, человек, который добровольно взял на себя обязанность помогать месхам возвращаться, и делал это до конца своей жизни.

Тельман показался мне человеком со своей тайной. Молчаливый вначале, он раскрывался постепенно. Впоследствии выяснилось, что он образован, эрудирован, учился в вузе на той же специальности, что и я – промышленное и гражданское строительство. Правда, я получила диплом инженера-строителя в Ленинграде, а он в Ташкенте.

Потом я узнала его большую семью: жену и четверо детей с лучезарными личиками. Тогда мы часто ездили в село Копитнари Самтредского района, к месхетинским репатриантам, где проводили в школе разные мероприятия и возили детям тетради и ручки от ЮНИСЕФ. Дом Тельмана стоял на краю села рядом со школой. Несмотря на тогдашнюю всеобщую бедность, семья Тельмана всегда приглашала нас к себе, а уезжая, мы находили у себя в сумках скромные деревенские дары, незаметно подложенные его женой. Материальные лишения не могли искоренить щедрость их души.

Сегодня Тельман Эристави руководит неправительственной организацией «Маяк» и делает все возможное, чтобы облегчить жизнь своим соплеменникам в селе Ахали Ианети Самтредского района, будь то тренинги по делам общины, улучшение качества обучения или же обустройство школьного стадиона.

Дети выросли, дочка вышла замуж, мальчики учатся в вузах и служат в армии.

Мы по-прежнему дружим семьями, и сегодня он рассказывает о своей жизни...

- Тельман, поговорим о твоём происхождении.

- Происхожу я из древнего грузинского рода Эристави. Родом из села Марели Адигенского района Месхети. Сейчас этого села не существует на карте, земли-то на местах, только тех людей там нет. Это была крепость Марели, сооруженная еще при царице Тамар... Там были подземные ходы, на сторожевой башне крепости велось дежурство, и когда вдали появлялись вражеские отряды, то подавался знак, и все уходило под землю. Подземные ходы вели очень далеко, отсюда можно было попасть в любую точку. К сожалению, эта крепость не сохранилась. Ее взорвали незадолго до нашей высылки, так же, как и все подземные ходы Марельской крепости. Предки

мои по линии отца были зрителями этой крепости. А вообще они – представители высшего сословия, агалары. Это феодалы-землевладельцы. Когда наших выслали, жена моего дяди, оказывается, спрятала в своем исподнем белье какие-то документы на грузинском языке и тайно их вывезла. Бумаги эти хранились в семье из поколения в поколение, все в ту ноябрьскую ночь 1944 года забирали с собой ценности, а она прятала эти документы. Правда, что в них было – принадлежность к роду или карты земельных угодий, которыми Эристави владели из поколения в поколение, я точно не знаю. В свое время я пытался их найти, но в депортации эти документы были утеряны.

Мой прадед, Ибрагим-ага, был кади, т.е. судья. Короче, уважаемые люди были.

- Что с материнской стороны?

- О-о, это интересная история... Моя мать принадлежала к другому привилегированному сословию – к бекам. Она из рода беков Пепиновых (Пипинашвили).

- Архивные данные это подтверждают. В «Кавказском календаре» за 1891 г. есть «Список владельцев Тифлисской губернии, имеющих свыше 380 десятин земли», в котором зафиксированы беки Пепиновы из села Марели. Мало того, в османской переписи 1595 г. «Пространный реестр Гурджистанского вилайета» в селе Марели указан землевладелец Папунасдзе. Это и род древний, и фамилия...

- Беки и агалары постоянно спорили между собой – кто выше? Мои родственники постоянно шутили пикировались по этому поводу. Хотя особой разницы между ними не было. В результате османского нашествия 16 века Месхети превратилась в Ахалцихский пашалык и чтобы сохранить свои права, месхетинские князья были вынуждены либо принять мусульманство, либо покинуть землю предков, так как по османским законам быть на службе могли лишь мусульмане.

- Спустя 200 лет, в 1828 году силой русского оружия Месхети вновь оказалась в пределах православия, не не грузинского, а в составе российского государства...

- Да, и беки и агалары, являющиеся мусульманами грузинского происхождения, просили российского императора вернуть их в лоно православной церкви вместе со своими подданными и обеспечить им те же права, которыми обладали находившиеся на императорской службе грузинские князья и дворяне.

- Это предложение российские власти не приняли...

- Российская империя делала все для того, чтобы мы не только окончательно омуслиманились, но и потеряли все. Дальше – больше: с советизацией Грузии нас то записали азербайджанцами, то назвали турками, а потом и вовсе выслали. Многие месхи были лишены своих исконных грузинских фамилий, мы тоже утратили фамилию Эристави и были записаны Султановы...

- Вернемся к твоей матери, ты хотел рассказать нечто интересное...

- Да. Покойницу мать, да упокоит Аллах души ваших умерших, звали Мюлькия, она была, как я уже сказал, из сословия беков. Интересно, но о том, что я грузин, я услышал первый раз, когда приехал в Грузию. Тогда просто удивился. Дома никто не говорил. И когда я стал потом упрекать их, мол, почему не рассказывали, мне сказали: чтобы вам голову не ломать на эту тему. Мы должны были как-то физически сохранить детей. Интересно, что в Узбекистане мать не рассказывала ничего о нашем происхождении. Только в Грузии рассказала. И про это тоже. Сынок, сказала она, традиция эта шла издалека, с тех времен, когда наши вынуждены были принимать новую веру. Мы все одно племя, сказала она, но большая часть приняла ислам, а меньшая перешла в католичество (их стали называть «франги»).

- Да, католики грузинского происхождения – так называемые «франги» – не были выслааны в 1944 г. Они по сей день живут в сёлах Уде, Арали...

- Именно... Оказалось, что в Уде и Арали есть какие-то наши родственники из «франгов». И когда принимали веру, сказала мать, люди договорились между собой (негласно, конечно): дочь моллы будут выдавать замуж за сына священника, а дочерей священников будут отдавать за сыновей моллы. Чтобы поддерживать родство и

чтобы в будущем не возникало распрей на почве религии. Ну, до каких-то пор этот закон держался...

- Это очень редкая информация. Я первый раз слышу об этом.

- Лично я знаю одного такого человека из Уде. Сам он священник, и отец его был священником, а его мать – из наших, из села Марели. И этот священник сказал мне, что его отец очень хочет видеть меня, приглашал к себе в Уде...

- Выходит, вы родственники?

- Наверное. Когда я возил мать в Уде и когда там узнали, из какого она рода, все старшее поколение села Арали пришло ее повидать... Все только и говорили с умилением: «Мюлькия-ханум приехала, Мюлькия-ханум...» Они все знали ее. Мать их не знает, а они знали, потому что она была из марельского рода беков Пепиновых. Один старичок подошел, спрашивает: «Дочка, я тебе наших яблоч послал, дошли они?» Я тогда был просто потрясен.

- Расскажи о своих ощущениях, когда впервые сюда приехал?

- Я почувствовал что-то родное. Хоть и язык не понимал, но чувствовал, что это мое. А в Месхети первый раз был в 86-ом году. Но оно тогда мне показалось чужим – одни камни вокруг. А вот когда с матерью поехал, тогда, с ее рассказами, все это становилось ближе и ближе... Она гвоорила и об истории, и о том, где что было, и в музее объясняла: это наше, откуда сюда пришло... Эти рассказы меня более сблизили с родной землей.

- А как с отцом?

- С ним было по-другому... Когда я дома, в Ташкентской области, сказал, что поеду жить в Грузию, отец воспринял это негативно.

- Почему? Разве родители не рассказывали про Грузию?

- Часто рассказывали, и все рассказы были с огромной любовью. Может, это и хорошо было, а может, и плохо. Потому что эта любовь сделала из нас своих пленников... И нам передалось.

- Почему отец был против твоего переезда?

- У него было какое-то недоверие к Грузии. Это было связано с высылкой (хотя мы сейчас понимаем, что нас не Грузия выслала), а может, и обида была. Обоих дедушек выслали – одного в 37-ом году – как кулака, он железную дорогу там строил, в Узбекистане. Позже мы

нашли место его захоронения, но не знали точно, какая из могил его. А второй дедушка, со стороны отца, во время комендантского часа умер и был захоронен в одном рву вместе с военнопленными японцами...

- Как твои родители вспоминали высылку?

- Буквально за несколько дней до высылки дедушку арестовали. Дядя был фронтовик, вернулся в 1944 году раненый, был непригодным к фронту, его тоже арестовали. Всех мужчин, короче, кто мог что-либо сделать. Остались женщины, старики и дети. С вечера подъехали «Студбекеры». А утром погрузили... Отец маленький был, лет 12 ему было.

Мама тоже марельская была, ей поменьше было. Она помнит то же самое, но у нее к этому времени и отец был арестован, и дядя, только дети остались и мать. В Ахалцихе посадили в товарные вагоны, да еще они с родственниками в разные вагоны попали. Попали они в Средне-Черчикский район Ташкентской области, где поселили их в какой-то колхозный клуб, и бабушка рассказывала...

- Как бабушку звали?

- Додо.

- Додо? Это чисто грузинское имя.

- Это наше имя. Ну, местная она была... (смеется)

Да, расселили, говорит, нас в клуб, а мы после двадцати дней в товарных вагонах – шивые, заросшие, боялись на улицу выходить.... Местные узбеки, завидев нас, кричали: людоеды приехали, людоеды приехали!.. Бабушка говорит, потом мы вышли к этим людям, объяснили, что мы не людоеды, а такие же люди, как и вы... После этого они немножко успокоились, начали заходить к нашим, даже ухаживали за больными...

- И чем ваши стали заниматься?

- Земледелием. Там хлопок и рис. Люди на положении ссыльных были: никуда ни шагу. Только работа. Когда я родился, даже не разрешили метрику взять. Я

у матери спрашивал, когда у меня день рождения? Она говорит – в то время хлопок кончился, и мы курак собирали. (Курак – это нераскрытые хлопковые коробочки.) Это период 2-3 месяцев. Так что дата рождения у меня записана далеко неточная. Мать с отцом с Кавказа были знакомы, да и с Марели оба... Говорю же, между ними постоянный спор шел, кто выше – агалары или беки? На этой почве и сблизилась. (смеется) У нас была большая семья – пятеро сестер, трое братьев. Одна сестра сейчас в Киргизии, другая в Узбекистане, двое в Америке, одна покойная уже, в Украине жила... Я старший. Братья один в Киргизии, один в Москве, а я здесь.

- Как проходило твоё детство?

- Я вырос в узбекском ауле, среди своих, узбеков и корейцев. Хотя школа была русская, учителем в 1-м классе был наш месхетинец, но мы русский не знали. И учитель говорил на нашем диалекте... А еще был один учитель кореец, он некоторые вещи на корейском объяснял. У меня среди корейцев друзья были, правда, они дразнили меня, что у меня нос большой. Для них – может быть. А сюда, в Грузию, приехал – такой же нос, как и у всех.

Учился я так себе, но к 10 классу подтянулся, и оказалось, что я лучший ученик. Когда я собрался поступать в институт, родители поставили мне условие – никакой учебы, если не женишься. И назови девочек, сказали, а потом мы выберем из твоего списка. Я назвал Назиру, она соседка наша была. И сыграли свадьбу. То есть я поступил в институт уже женатым человеком. Учился я на очном, жили мы в 40 км от Ташкента, и я часто приезжал домой. После института работал по специальности. В Узбекистане у меня родились две дочки и трое сыновей. Последний сын родился уже в Грузии.

- Ты был доволен жизнью?

- Да, материально там мы жили хорошо. И в Ташкенте у меня квартира была. Как-то я приехал домой, а отец

в тот день должен был коров пасти. Я пошел заменить его. Ушел рано утром не поев. Жара была... А там родник был в одном месте, поблизости с хлопковым полем. Оказывается, в те дни применили ядохимикаты, и те в воду попали, а я эту воду целый день пил. Ее не только нельзя было пить, на это хлопковое поле вообще нельзя было заходить. Я сильно отравился, три месяца лежал, ничего не ел. И никто за это не нес ответственности. Официально врачи не имели права указывать причину. А мне стыдно было говорить о своей болезни, что не могу кушать, пить... Так и страдал молча.

У меня один друг был – врач, он сказал: максимум четыре года с этим отравлением проживешь. Потому что если начнешь промывать, еще хуже будет. Лекарства тут бессильны. Если

тебе что и поможет, может, воздух. Так что дружеский совет: уезжай. Поезжай в Чолпан-ата – это в Киргизии, курортное место, рядом с Иссык-Кулем. Я и поехал в Киргизию, где тетя моя жила. Вот она, Фатима-биби, мне и говорит: «Езжай-ка ты в Грузию, все-таки это родина наша. Я уверена, там тебе легче будет».

- Можно сказать, тетя сыграла в твоей жизни решающую роль?

- Направляющую роль. Это был 1985 год. Я решил просто посмотреть, и из Киргизии прямо полетел в Тбилиси. В Ташкенте дома никто не знал, они думали, что я в Киргизии.

Посмотрел места, мне понравился Гегечкорский район, и в ноябре 1985 года я приехал вместе с семьей – четверо детей, жена и я.

- А как родители отнеслись к твоему отъезду?

- Когда я уезжал, все наши были против, не говоря уже о родителях. Потому что я как бы отделялся от них. А родители вообще дали мне с собой всего 300 рублей – на дорогу, на жите-бытье, на все. И вещей моих половину не дали. Они не хотели, чтобы я в таком состоянии один уезжал. И кто там за мной, больным, будет ухаживать... Мне показалось, что они хотели, чтобы я там помучился и обратно вернулся. Потому что ничего не дали. Честно говоря, мне обидно было... Приехал я в село Банза в Гегечкорском районе...

- Какие чувства у тебя были?

- Самые нормальные! Когда в первый день приехали я, четверо детей, жена, в селе почему-то решили, что цыгане приехали. Я вечером вышел, мужчины в нарды играли. Я сыграл с ними, и они тогда сказали – раз ты в нарды играешь, ты уже не цыган.

- Это 85-й год, в то время никаких разрешений для месхетинцев не было? Как тебе удалось приехать?

- Разрешений не было. А мы были как семья, которая просто приехала наниматься на работу. Для этого нужно было получить разрешение в Тбилиси в Госкомтруде. Мне официально там сказали: ты будешь работать физически, а не по специальности. Распределили в виноградарский совхоз виноградарем. Просто землю копали, ухаживали за виноградником... Но все же они знали, что у меня высшее образование. Через пару месяцев меня перевели на работу по специальности. Около трех лет в Банзе мы прожили.

- А со здоровьем что?

- В Банзе бригадиром у нас был один дядя Джорджи, как его все звали, царство ему небесное... Он увидел, что физически я слабо работаю и спросил, что со мной? Я рассказал. «Не беда! – сказал этот человек, - я тебе помогу». И дал мне специальный рецепт – чача и вино «Оджалеши» смешивалось в определенных пропорциях.

Я лечился только этим, никаких лекарств. Ну и, разумеется, воздух Грузии, земля, продукты. Так и вылечился, ничего не потребовалось более.

- Вот что воздух Родины делает...

- А потом переехал в Цулукидзеvский район, в чайный совхоз. Там готовые дома были построены специально для месхетинцев. В Цулукидзе прожил года два, а потом наших там не осталось. 91-й год был, ну помнишь, были всякие гонения на наших, многие вынуждены были уехать из Грузии. А я остался. Просто переехал в Самтрелский район в село Копитнари, где и живу по сей день.

- Отец приезжал?

- Отец приезжал для того, чтобы увести меня отсюда.

- Неужели у него не было такого ощущения, как у матери?

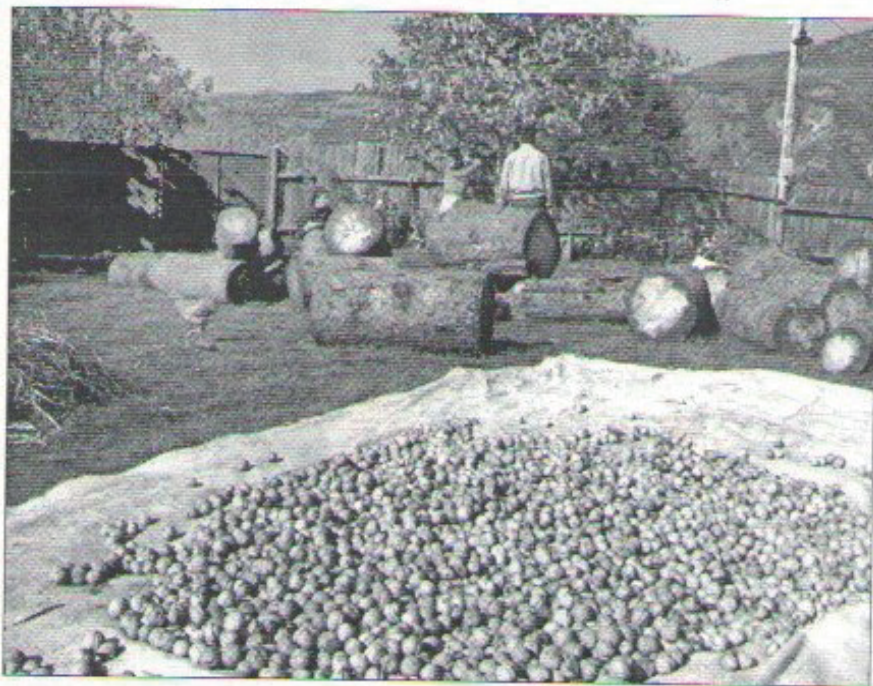
- Наверное, все же было... Если бы не было, он увез бы меня. Просто он просил, чтобы я не оставался один, без родственников. Сейчас он в Киргизии. Как-то не могут они меня понять...

- Я знаю, что ваше село Копитнари во время гражданской войны 90-х годов попало в район боевых действий... Можешь об этом рассказать?

- Да, к сожалению, наше село оказалось на рубеже боевых действий в то время. И двое месхетинских детей стали ее жертвами. Шальные пули сразили этих детей 11-ти и 16-ти лет... Невинные жертвы, и одна из них была моя старшая дочка Амина... Меня эта потеря просто вырубилла на несколько лет: я не мог нормально есть, пить, работать...

- Насколько мне известно, ваша жизнь там складывалась довольно драматически...

- Тяжело... Не считая финансовой стороны. Когда мы переехали в Самтрелиа, у нас была всего одна корова. Пятеро детей, нигде нет работы, ничего нет – ни кушать,

ни пить... Тяжело было... Помню, когда я первый раз отправил детей учиться в колледж, мне говорили – куда ты их отправляешь, у тебя нет денег даже на дорогу? Сейчас слава Богу! Все нормально. Сейчас одних коров у нас 15 голов, не считая другой живности – баранов, кур, индюшек и уток. И две машины во дворе стоят.

- Расскажи немножко про школу...

- Когда я приехал, в селе никто не учился. Просто не было школы. Несколько наших детей ездили в соседнее село, а потом и вовсе бросили. Мы, активисты села, можно так сказать, начали хлопотать и требовать, чтобы наши дети хотя бы начальное образование получили. Нашли одну учительницу из соседнего села Баши. Это было после гражданской войны, 90-е годы. Она согласилась довести наших детей до шестого класса... В то время учителям зарплату платили купонами, они практически не имели цены, да и не было у нас их. И поскольку деньги мы ей платить не могли, мы платили кукурузой, лобно, помогали в сельских работах. Не было и здания школы. Тогда мы решили сделать школой бывший детский сад (разрушенный той же самой войной), надо было как-то отремонтировать его.

И вот что интересно! Когда в районных инстанциях заходил разговор на эту тему, нам неизменно говорили: мы для вас откроем русскую школу. А мы требовали грузинскую школу.

- Это примерно так, как в 30-х годах в Месхети открывали для нас азербайджанские школы, а люди просили грузинские школы. На начках заявлений Мариам Орахелашвили, министр просвещения Грузинской ССР, писала: «Вы – татары и должны учиться на татарском языке». Вот так вот! А потом возмущаются, почему месхи не знают грузинского языка.

- Мы говорили: мы – граждане Грузии, месхи, здесь нам жить и нам нужно знать грузинский язык. И все же добились того, чтобы школа была грузинская. Потом прибавились другие учителя из числа беженцев из Абхазии...

- Расскажи, как Шеварднадзе приехал в ваше село...

- Шеварднадзе приехал к нам после выхода брошюры Марата (М. Бараташвили «Правовое положение месхов-репатриантов в Грузии», в 1998 г. – К.Б.). Никто точно не знал, но слух был, и все его ждали. Встреча была бурная и прошла спонтанно. Но результат был хороший. Во-первых, школу отремонтировали... Появилась перспектива – для старших ребят открыли усиленные классы. Дети уже язык-то знали, но от программы отстали.

- Я знаю, что вы очень старались, чтобы у детей были какие-то кружки, внеклассные занятия...

- Мы особенно старались привить детям любовь к грузинской культуре, да и не только любовь, но и умение петь и танцевать по-грузински. Я постоянно говорю: пить, петь и танцевать – все это надо уметь

в Грузии (смеется).

- И твои дети это умеют?

- Да, они все время очень активно во всем участвовали... Эти элементы культуры человек должен вбирать в себя с малых лет.

- А когда ты фамилию восстановил?

- Первоначально еще в Гегечкори. Гурам Мамулия принес мне из архива выписки о том, что наши предки носили фамилию Эристави. Я тогда отказался от нее. Захотел, чтобы мне дали фамилию по селу Марели. Или Марелидзе пусть будет, или Марелиели. Даже метрику получил в Цулукидзе. Сказал – я же имею право на такую фамилию, как сын этого села? А потом, когда начал спорить с Гурамом, он стал ругаться: если, говорит, не свое берешь, тогда никакую не бери...

- А почему ты не хотел брать Эристави?

- Протест у меня какой-то внутренний был. Не насчет фамилии, а обидно было, когда говорили: если ты грузин – почему не знаешь грузинского языка? Обидно было. И еще, говорят, такую фамилию носишь.

- То есть ты побоялся этой ответственности?

- Да, вот этого... А сейчас не боюсь! Потому что когда меня прижимают, я говорю – идите к детям, они знают язык. Прошло время, я уже отказался от Марелидзе (метрика до сих пор лежит дома). А потом уже в Самтредиа я был более подготовленным. Решил, что возьму свою родовую фамилию Эристави. Пошел и оформил. И я потом понял еще вот что. Не человек зависит от фамилии, а фамилия будет зависеть от человека. Ты, главное, будь хорошим, тогда и фамилию поднимешь. Или опустишь. Все зависит от тебя.

Но, главное, ты живешь у себя на Родине и дышишь ее животворящим воздухом.

Клара БАРАТАШВИЛИ